

ПРОДОЛЖЕНИЕ РОМАНА
“ПРАВДА О ДЕЛЕ ГАРРИ КВЕБЕРТА”

ЖОЭЛЬ ДИККЕР

ДЕЛО АЛЯСКИ
САНДЕРС

CoRpus

18+

Маркус Гольдман

Жоэль Диккер
Дело Аляски Сандерс

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.133.1-312.4
ББК 84(4Шва)-44

Диккер Ж.

Дело Аляски Сандерс / Ж. Диккер — «Издательство АСТ»,
2022 — (Маркус Гольдман)

ISBN 978-5-17-150395-6

“Дело Аляски Сандерс” — новый роман швейцарского писателя Жоэля Диккера, в котором читатель встретится с уже знакомыми ему героями бестселлера “Правда о деле Гарри Квеберта” И снова в центре детективного сюжета — громкое убийство, переворачивающее благополучную жизнь маленького городка штата Нью-Гэмпшир. На берегу озера в лесу найдено тело юной девушки. За дело берется сержант Перри Гэхаловуд, и через несколько дней расследование завершается: подозреваемые сознаются в убийстве. Но спустя одиннадцать лет сержант получает анонимное послание, и становится ясно, что произошла ошибка. Вместе с писателем Маркусом Гольдманом они вновь открывают дело, чтобы найти настоящего преступника а заодно встретиться лицом к лицу со своими призраками прошлого. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.133.1-312.4
ББК 84(4Шва)-44

ISBN 978-5-17-150395-6

© Диккер Ж., 2022
© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Накануне убийства	6
Пролог	7
День убийства	8
Выдержка из полицейского протокола	9
Часть первая	10
Глава 1	11
День убийства	17
Глава 2	19
День убийства	23
Глава 3	32
Выдержка из полицейского протокола	37
Наутро после убийства	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Жоэль Диккер Дело Аляски Сандерс

© Joël Dicker, 2022

© И. Стаф, перевод на русский язык, 2023

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Издательство CORPUS ®

*Посвящается Мари-Клер Ардуэн,
без которой ничего бы не состоялось*

Накануне убийства

Пятница, 2 апреля 1999 года

Последним, кто видел ее живой, был Льюис Джейкоб, владелец автозаправки, расположенной на шоссе 21. В 19.30 он собрался уходить из магазина, примыкающего к бензоколонкам: у жены был день рождения, он вел ее ужинать.

- Тебе точно не трудно будет закрыть все самой? – спросил он работницу на кассе.
- Никаких проблем, мистер Джейкоб.
- Спасибо, Аляска.

Взгляд Льюиса Джейкоба на миг задержался на девушке. Какая красавица, прямо солнечный лучик. А какая приветливая! За те полгода, что она здесь работала, жизнь Льюиса полностью переменялась.

- А ты? – спросил он. – Есть планы на вечер?
- У меня свидание... – улыбнулась она.
- Посмотреть на тебя, так это не просто *свидание*.
- Романтический ужин, – призналась она.
- Везет Уолтеру, – сказал Льюис. – Значит, помирились?

Аляска в ответ только пожала плечами. Льюис поправил галстук, глядя на свое отражение в стекле:

- Как я выгляжу?
 - Лучше не бывает. Ну, бегите, вам нельзя опаздывать.
 - Хороших выходных, Аляска. До понедельника.
 - Хороших выходных, мистер Джейкоб.
- Она снова улыбнулась. Эту ее улыбку он не забудет никогда.

На следующий день в семь часов утра Льюис Джейкоб приехал открывать заправку. Он вошел в магазин и запер за собой дверь, чтобы подготовиться к приему первых посетителей. Вдруг кто-то неистово забарабанил в стекло; обернувшись, он увидел истошно кричащую девушку в костюме для бега, с перекошенным от ужаса лицом. Он бросился открывать, девушка метнулась к нему с воплем: “Звоните в полицию! Звоните в полицию!”

В то утро жизнь маленького городка в штате Нью-Гэмпшир резко изменилась.

Пролог

О том, что происходило в 2010 году

Несмотря на триумф и славу, годы с 2006-го по 2010-й остались у меня в памяти как трудный период. Моя тогдашняя жизнь в точности походила на американские горки.

Поэтому, прежде чем рассказать историю Аляски Сандерс, найденной мертвой 3 апреля 1999 года в Маунт-Плезант, штат Нью-Гэмпшир, и объяснить, каким образом летом 2010 года я оказался участником уголовного расследования одиннадцатилетней давности, нужно сначала коротко описать, в каком положении я к тому моменту находился и, в частности, как складывалась моя карьера молодого писателя.

Стартовала она с оглушительного успеха в 2006 году: тираж моего первого романа достиг нескольких миллионов экземпляров. Мне едва исполнилось двадцать шесть, а я уже вошел в крайне ограниченный круг богатых и знаменитых писателей, меня вознесли на вершину американской литературы.

Однако вскоре обнаружилось, что у славы есть последствия: те, кто следит за моим творчеством с самого начала, знают, насколько громадный успех первого романа выбил меня из колеи. Известность раздавила меня, я утратил способность писать. Писательский ступор, блок вдохновения, синдром чистого листа. Крах.

Потом случилось дело Гарри Квеберта, вы наверняка о нем слышали. 12 июня 2008 года в саду Гарри Квеберта, легенды американской литературы, было обнаружено и эксгумировано тело пятнадцатилетней Нолы Келлерган, пропавшей в 1975 году. Дело это глубоко потрясло меня: Гарри Квеберт был моим университетским преподавателем, а главное, самым близким другом в то время. Я не мог поверить, что он виновен. Один против всех, я изъездил Нью-Гэмпшир вдоль и поперек и провел собственное расследование. В конце концов я добился оправдания Гарри, однако связанные с ним тайны, открывшиеся мне, в итоге разрушили нашу дружбу.

Об этом расследовании я написал книгу “Правда о деле Гарри Квеберта”, она вышла в середине осени 2009 года, и ее невероятный успех превратил меня в писателя национального значения. После первого романа читатели и критики ждали от меня второго подвига, дабы наконец произвести меня в рыцари, и книга стала им. Отныне я был не призрачным вундеркиндом, не метеором, сгинувшим в ночи, не погасшим пороховым фитилем – я стал признанным писателем, равным среди равных, занял свое законное место. У меня словно гора с плеч свалилась. Я будто снова обрел себя после трехлетних блужданий по пустыне славы.

А потому в последние недели 2009 года я испытывал умиротворение. Вечером 31 декабря я праздновал Новый год на Таймс-сквер, среди радостной толпы. Я не отдавал дань этой традиции с 2006 года, с момента выхода своей первой книги. В ту ночь мне, безымянному среди безымянных, было хорошо. Я встретился глазами с какой-то женщиной, она мне сразу понравилась. Она пила шампанское и с улыбкой протянула мне бутылку.

Возвращаясь мыслями ко всему, что случилось в следующие месяцы, я вспоминаю эту сцену, подарившую мне иллюзию, что я наконец нашел покой.

События 2010 года показали, что я ошибался.

День убийства

3 апреля 1999 года

Семь часов утра. Она бежала в одиночку вдоль шоссе 21, среди зеленеющих полей. Музыка в наушниках задавала отличный ритм. Шаг быстрый, дыхание не сбивается, через две недели она стартует на бостонском марафоне. Она готова.

У нее было чувство, что сегодня идеальный день – лучи восходящего солнца заливают поля, усеянные цветами, за ними высится гигантский лес Уайт-Маунтин.

Вскоре она добежала до автозаправки Льюиса Джейкоба. Ровно семь километров от дома. Изначально она не собиралась бежать дальше, но теперь решила поработать еще немного. Миновала автостанцию, добежала до поворота на Грей Бич и свернула на грунтовку – в чересчур жаркие дни здесь бывало не протолкнуться от курортников. Дорога вела к парковке, откуда начиналась пешая тропа, уходившая через лес Уайт-Маунтин к широкому галечному пляжу на берегу озера Скотэм. На парковке Грей Бич стояла синяя машина с откидным верхом и массачусетскими номерами, но она не обратила на нее внимания и побежала по дорожке к пляжу.

Оказавшись на опушке, она вдруг заметила фигуру на берегу и застыла на месте. Ей понадобилось несколько секунд, чтобы осознать происходящее. Ее сковал ужас. Он ее не видел. Главное, не шуметь, не выдать себя – если он заметит, наверняка примется и за нее. Она спряталась за дерево.

Адреналин придал ей сил незаметно поползти до тропы. Потом, решив, что теперь ей ничто не грозит, она припустила во весь дух. Бежала так, как не бегала никогда в жизни. Она нарочно ушла из дома без телефона. Как же она теперь себя ругала!

Она выскочила на шоссе 21. Надеялась, что проедет какая-нибудь машина, – никого. Словно она одна на целом свете. Оставался спринтерский забег до автостанции Льюиса Джейкоба, там ей помогут. Добежала, с трудом дыша, и налетела на запертую дверь. Но, увидев внутри заправщика, стала колотиться в нее, пока он не открыл. И метнулась к нему с воплем:

– Звоните в полицию! Звоните в полицию!

Выдержка из полицейского протокола Допрос Питера Филипса

[Питер Филипс служит в полиции Маунт-Плезант около пятнадцати лет. Он первым из полицейских прибыл на место. Показания записаны в Маунт-Плезант 3 апреля 1999 года.]

Когда позвонили из дежурной части насчет того, что происходит на Грей Бич, я сперва решил, что ослышался, и попросил оператора повторить. Я находился в секторе Стоув Фарм, недалеко от Грей Бич.

Вы отправились прямо туда?

Нет, сначала я заехал на заправку на шоссе 21, откуда поступил звонок свидетеля. Учитывая ситуацию, я счел важным поговорить с ним, прежде чем действовать. Знать, к чему быть готовым на пляже. Свидетелем была перепуганная молодая женщина. Она рассказала, что случилось. За пятнадцать лет, что я работаю в полиции, мне еще ни разу не приходилось сталкиваться с подобной ситуацией.

А потом?

Я немедленно выехал на место.

Вы поехали один?

У меня не было выбора. Нельзя было терять ни минуты. Я должен был его найти, пока он не удрал.

Что было дальше?

Я помчался как полоумный с заправки на парковку Грей Бич. Подъехав, увидел синюю машину с откидным верхом и массачусетскими номерами. Потом взял помповое ружье и пошел по тропинке к озеру.

И?..

Когда я выскочил на пляж, он был еще там, терзал эту бедную девочку. Я заорал, чтобы он прекратил, он поднял голову и в упор посмотрел на меня. Потом медленно двинулся в мою сторону. Я сразу понял: или он, или я. Пятнадцать лет служу и ни разу еще не стрелял. До сегодняшнего утра.

Часть первая

Последствия успеха

На гигантские ангары киностудий на берегу реки Святого Лаврентия опускался весенний снежок. Здесь уже несколько месяцев шли съемки киноверсии моего первого романа, “Г как Гольдштейн”.

Глава 1

После “дела Гарри Квеберта”

Монреаль, Квебек
5 апреля 2010 года

По случайному совпадению съемки начались одновременно с выходом в свет “Правды о деле Гарри Квеберта”. На волне триумфальных книжных продаж будущий фильм уже вызывал всеобщий восторг, а его первые кадры наделали шума в Голливуде.

Снаружи холодный ветер гонял снежные хлопья, а в студии стояло лето: актеры и статисты в мощных лучах прожекторов, казалось, жарились на раскаленном солнце; декорации пешеходной улицы были на редкость реалистичны. Снималась одна из моих любимых сцен – герои, Марк и Алисия, после долгих лет разлуки наконец встречаются на террасе кафе, в толпе прохожих. Им не нужны слова, довольно лишь взглядов, чтобы наверстать время, которое они потеряли друг без друга.

Я сидел за контрольными экранами, следил за съемкой.

– Стоп! – внезапный крик режиссера прервал этот благодатный миг. – То, что нужно.

Помреж, сидевший рядом, повторил по рации его фразу: “То, что нужно. На сегодня все”.

В тот же миг съемочная площадка превратилась в муравейник: технический персонал зачехлял камеры, актеров, расходившихся по уборным, провожали унылые взгляды статистов, которым так хотелось перемолвиться с ними словом, добыть фото или автограф.

Я решил пройтись по декорациям. Все казалось таким настоящим – улица, тротуары, фонари, витрины. Я зашел в кафе, восхищаясь тщательной проработкой деталей. У меня было чувство, что я гуляю по собственному роману. Я протиснулся за стойку с горой сэндвичей и выпечки: все, что попадало на экран, должно было выглядеть реальным.

Созерцание мое длилось недолго. Из задумчивости меня вывел чей-то голос:

– Официантом заделались, Гольдман?

Это был Рой Барнаски, эксцентричный генеральный директор издательства “Шмид и Хансон”, печатавшего мои книги. Утром он без предупреждения прилетел из Нью-Йорка.

– Кофе, Рой? – предложил я, беря пустую чашку.

– Лучше дайте какой-нибудь сэндвич, умираю с голоду.

Я понятия не имел, насколько вся эта еда съедобна, но без колебаний протянул Рою сооружение с индейкой и сыром.

– Знаете, Гольдман, – заявил он, жадно впиваясь в толстые ломти, – этот фильм произведет фурор! К тому же мы собираемся выпустить специальное издание “Г как Гольдштейн” – это будет сенсация!

Тем, кто читал “Правду о деле Гарри Квеберта”, известно, насколько неоднозначными были мои отношения с Роем Барнаски. Всем остальным достаточно знать, что его симпатии к авторам зависели от того, сколько он мог сделать на них денег. Два года назад он обливал меня помоями за не сданный вовремя роман, зато теперь, после рекордных тиражей “Правды о деле Гарри Квеберта”, я занимал особое место в его пантеоне кур, несущих золотые яйца.

– Вы, Гольдман, небось, на седьмом небе, – продолжал Барнаски, явно не понимая, что мне не до него. – Книга имеет успех, а теперь еще фильм. Помните, два года назад я из кожи вон лез, чтобы роль Алисии играла Кассандра Поллок, а вы меня бранили почему зря. Видите, оно того стоило! Все в один голос твердят, что она потрясающая!

– Да уж, Рой, это я вряд ли когда забуду. Вы всех убедили, что она моя любовница.

– И каков результат! У меня отличный нюх, Гольдман! Потому-то я и большой босс! Кстати, я приехал поговорить с вами на очень важную тему.

С той самой минуты, когда он внезапно заявился на съемки, я знал, что в Монреаль он прилетел не просто так.

– О чем речь? – спросил я.

– Есть новость, она вас обрадует, Гольдман. Мне хотелось сообщить ее вам лично.

Барнаски подстраховывался – нехороший знак.

– Рой, говорите прямо.

– Мы вот-вот заключим контракт на экранизацию “Правды о деле Гарри Квеберта” с MGM! Это будет грандиозно! До того грандиозно, что они хотят как можно быстрее подписать предварительное соглашение.

– Не думаю, что мне хочется делать из этого фильм, – сухо отозвался я.

– Да вы сперва на контракт взгляните, Гольдман. Одна подпись – и два миллиона долларов ваши! Калякаете свое имя внизу страницы – и бах! – на ваш банковский счет падают два миллиона долларов. Не считая процентов от прибыли и всего остального!

Мне совершенно не хотелось с ним объясняться.

– Поговорите с моим агентом или адвокатом, – предложил я, чтобы закончить разговор.

Барнаски взъярился не на шутку:

– Если бы меня интересовало мнение вашего говенного агента, я бы не таскался в такую даль!

– Это не могло подождать, пока я вернусь в Нью-Йорк?

– Вернетесь в Нью-Йорк? Вы же как ветер, Гольдман, если не хуже, – на месте не сидите!

– Гарри не хотел бы фильма, – поморщился я.

– Гарри? – поперхнулся Барнаски. – Гарри Квеберт?

– Да, Гарри Квеберт. Вопрос закрыт: я не хочу фильма, не хочу опять во все это погружаться. Хочу забыть это дело. Перевернуть страницу.

– Нет, вы только послушайте этого хныкающего крошку! – взвился Барнаски, не терпевший возражений. – Ему дают целый черпак икры, а деточка Гольдман капризничает и не желает открывать ротик!

С меня было довольно. Но Барнаски уже сам жалел о своей грубости и попытался ее загладить.

– Давайте я объясню вам замысел, милый Маркус. – Голос его источал мед. – Вот увидите, вы передумаете.

– Сначала я передохну.

– Поужинаем сегодня вдвоем! Я заказал столик в ресторане в старом Монреале. Часиков в восемь?

– У меня вечером встреча, Рой. Поговорим в Нью-Йорке.

Оставив его стоять где стоял, с суррогатным сэндвичем в руке, я направился от съемочной площадки к главному входу в студию. Там, прямо у широких двойных дверей, расположился киоск с фастфудом. Каждый день после съемок я подходил к нему выпить кофе. Продавщица была всегда одна и та же. Прежде чем я успел сказать хоть слово, она протянула мне картонный стаканчик с кофе. Я благодарно улыбнулся. Она улыбнулась в ответ. Люди часто мне улыбаются. Только теперь я уже не знаю, улыбаются они мне как брату по разуму, которого встречали, или как писателю, которого читали. В этот момент продавщица достала из-под прилавка экземпляр “Правды о деле Гарри Квеберта”.

– Вчера дочитала. Ах, какая книжка, не оторвешься! Вы не могли бы мне ее надписать?

– С удовольствием. Как вас зовут?

– Дебора.

Дебора, ну конечно. Она мне уже десять раз говорила.

Я вытащил из кармана ручку и написал на форзаце ритуальную фразу, которую придумал для посвящений:

*Деборе,
которая теперь знает всю правду о деле Гарри Квеберта.
Маркус Гольдман*

- Хорошего вам дня, Дебора, – попрощался я, возвращая ей книгу.
- Хорошего дня, Маркус. До завтра!
- Завтра я уезжаю в Нью-Йорк. Вернусь через десять дней.
- Значит, до скорого.

Я повернулся, чтобы уйти, но она вдруг спросила:

- А вы с ним потом виделись?
- С кем?
- С Гарри Квебертом.
- Нет, больше он не давал о себе знать.

Я вышел из студии и уселся в ожидавшую меня машину. “Вы потом виделись с Гарри Квебертом?” После выхода книги меня без конца об этом спрашивали. И каждый раз я старался отвечать так, будто этот вопрос меня не волнует. Будто я не думаю об этом днями напролет. Где Гарри? Что с ним случилось?

Машина сначала двигалась вдоль реки Святого Лаврентия, потом свернула к центру Монреалья, вскоре уже показались очертания небоскребов. Мне нравился этот город. Здесь мне было хорошо. Возможно, потому, что здесь меня ждали. В последние месяцы в моей жизни наконец появилась женщина.

В Монреале я жил в отеле “Ритц-Карлтон”, всегда в одном и том же номере на последнем этаже. Едва я переступил порог гостиницы, как меня остановил администратор – сообщил, что меня ожидают в баре. Я улыбнулся: она уже пришла.

Я нашел ее за неприметным столиком возле камина. Все еще в летной форме, она потягивала “Московского мула”. Заметила меня, просияла и поцеловала. Я крепко ее обнял. Чем больше я с ней виделся, тем больше она мне нравилась.

Реган исполнилось тридцать, как и мне. Она была пилотом авиакомпании “Эйр Канада”. Мы встречались больше трех месяцев. Рядом с ней жизнь мне казалась полнее, насыщеннее. Чувство было тем более сильным, что мне стоило невероятных трудов найти кого-то, кто мне по-настоящему нравится.

Последняя моя серьезная любовная связь – с девушкой по имени Эмма Мэттьюз, – случилась пять лет назад и продлилась всего несколько месяцев. Поэтому, закончив “Правду о деле Гарри Квеберта”, я пообещал себе заняться своей личной жизнью. Интрижек было много, но все какие-то неудачные. Возможно, я слишком давил. Каждое свидание вскоре начинало походить на собеседование в отделе кадров: глядя на женщину, с которой едва успел завести разговор, я уже спрашивал себя, будет ли она хорошей партнершей и матерью моих детей. А в следующую минуту в мои мысли незванным гостем вторгалась моя собственная мать. Придвигала свободный стул, усаживалась рядом с бедняжкой и начинала выискивать в ней кучу недостатков. Именно мать, вернее, ее призрак, становилась на свидании судьей. Она нашептывала мне заезженную фразу, к которой питала особое пристрастие: “Марки, ты правда думаешь, что она – то, что надо?” Как будто мы связывали себя на всю жизнь, хотя, в сущности, даже не знали, доживет ли наш роман до вечера. А поскольку мать прочила мне великое будущее, она всегда добавляла: “Скажи-ка, Марки, ты можешь представить себя в Белом доме, на церемонии вручения Медали свободы, рядом с этой девушкой?” Конец фразы обычно произносился презрительно, словно для того, чтобы я отказался. И я отказывался. Так бедная мать, сама того не ведая, поощряла мое безбрачие. До тех пор, пока я не встретил Реган – тоже благодаря ей.

* * *

*Три месяца назад
31 декабря 2009 года*

Как всегда, в канун Нового года я поехал в Монклер, Нью-Джерси, навестить родителей. Мы пили кофе в гостиной, и тут мать в очередной раз произнесла идиотскую фразу, которая меня невероятно бесила:

– Что тебе пожелать в новом году, дорогой, ведь у тебя и так все есть?

– Встретить потерянного друга, – с досадой ответил я.

– Кто-то из твоих друзей умер? – заволновалась мать; она не поняла намека.

– Я про Гарри Квеберта, – пояснил я. – Хочу его повидать. Узнать, что с ним случилось.

– К черту этого Гарри Квеберта! От него одни неприятности! От настоящих друзей неприятностей не бывает.

– Он сделал меня писателем. Ему я обязан всем.

– Ты никому ничем не обязан, кроме матери, которая дала тебе жизнь! Марки, тебе не нужны друзья, тебе нужна подружка! Почему у тебя нет подружки? Ты не хочешь подарить мне внуков?

– Не так-то легко кого-нибудь встретить, мама.

– Марки, дорогой, – мать старалась говорить ласково, – по-моему, ты не очень-то стараешься. Ты почти никуда не ходишь. Я знаю, ты иногда часами разглядываешь фотоальбом, где ты с этим Гарри.

– Откуда ты знаешь? – удивился я.

– Домработница твоя сказала.

– С каких пор ты общаешься с моей домработницей?

– С тех пор, как ты мне ничего не рассказываешь!

В это мгновение мой взгляд упал на фотографию в рамке: снимок был сделан во Флориде, на нем – дядя Сол, тетя Анита, кузены Гиллель и Вуди.

– Знаешь, если бы твой дядя Сол... – прошептала мать.

– Не надо об этом, мама, пожалуйста!

– Я просто хочу, чтобы ты был счастлив, Марки. У тебя нет никаких причин не быть счастливым.

Мне захотелось уйти. Я встал и взял куртку.

– Что ты делаешь вечером, Марки? – спросила мать.

– Встречаюсь с друзьями, – соврал я, чтобы ее успокоить.

Я поцеловал ее, поцеловал отца и ушел.

Мать была права: у меня хранился альбом, в который я всякий раз утыкался в приступе ностальгии. Вернувшись в Нью-Йорк, я так и сделал. Налил себе стаканчик виски и стал перелистывать страницы с фотографиями. Последний раз я видел Гарри ровно год назад, декабрьским вечером 2008 года: он явился ко мне, чтобы поговорить напоследок с глазу на глаз. С тех пор он больше не объявлялся. Я хотел снять с него обвинение в убийстве, смыть пятно с чести своего друга, а в результате потерял его. Мне страшно его не хватало.

Я пытался, разумеется, отыскать его, но напрасно. Регулярно заезжал в Аврору, штат Нью-Гэмпшир, где он прожил последние тридцать лет. Часами бродил по городку. Часами слонялся вокруг его дома в Гусиной бухте. В любую погоду, в любое время. Найти его. Все поправить. Но Гарри не появлялся.

Пока я сидел с альбомом, погружившись в воспоминания о том, какими мы были, зазвонил городской телефон. На миг мне подумалось, вдруг это Гарри. Я поскорей снял трубку, но это была мать.

– Ты почему трубку берешь, Марки? – набросилась она на меня.

– Потому что ты звонишь, мама.

– Марки, сегодня Новый год! Ты же сказал, что пойдешь к друзьям! И не говори, что опять сидишь один дома и разглядываешь эти проклятые фото! А то я попрошу твою домработницу их сжечь.

– Тогда я ее уволю, мама. Из-за тебя преданная женщина лишится работы. Ты довольна?

– Выйди сейчас же из дома, Марки! Помнится, когда ты еще учился в лицее, ты ходил встречать Новый год на Таймс-сквер. Зови друзей и ступай! Я требую! И не спорь с матерью.

Вот так я оказался на Таймс-сквер, в одиночестве – по правде сказать, мне некому было звонить в Нью-Йорке. На подступах к площади, заполненной сотнями тысяч людей, мне стало хорошо. Спокойно. Я отдался на волю людского прилива. И в эту минуту наткнулся на девушку с бутылкой шампанского. Она мне улыбнулась. Она мне сразу понравилась.

Когда часы пробили полночь, я ее поцеловал.

Так в мою жизнь вошла Реган.

* * *

После нашей первой встречи Реган несколько раз бывала у меня в Нью-Йорке, а когда я приезжал на съемки, мы встречались в Монреале. В сущности, за три месяца отношений мы мало что узнали друг о друге. Мы виделись между рейсами или съемочными днями. Но в тот апрельский вечер в Монреале, в баре «Ритца», во мне жило сильное чувство. И пока мы болтали о том о сем, она с запасом прошла материнский тест: я представлял ее себе в разных жизненных ситуациях, и в каждой она отлично смотрелась рядом со мной.

На следующий день в семь утра Реган должна была вылететь в Нью-Йорк, в аэропорт имени Джона Кеннеди. Я предложил сходить куда-нибудь поужинать, но она сказала, что предпочла бы остаться в отеле.

– Здесь очень хороший ресторан, – заметил я.

– Твой номер еще лучше, – улыбнулась она.

Мы заперлись на весь вечер в моем номере. Долго нежились в огромной ванне, в обжигающей пене, любуясь в огромное окно на снег, по-прежнему опускавшийся на Монреаль. Потом заказали ужин в номер. Все казалось легким, мы были единым целым. Я жалел лишь об одном – что не могу проводить с Реган больше времени. На то были свои причины: во-первых, расстояние (я жил в Нью-Йорке, а она – в городке в часе езды к югу от Монреаля, где я еще не бывал), а во-вторых и в-главных, жесткое расписание рейсов, от которого она целиком зависела. Наша тогдашняя встреча не стала исключением из правила: ночь опять была короткой, и в пять утра, когда весь отель еще спал, мы с Реган уже собирались. Я любовался ею через дверь ванной. Она была в форменных брюках и лифчике, красилась и одновременно пила кофе. Мы оба уезжали в Нью-Йорк, но порознь. Она по воздуху, я по земле: в Монреаль я приехал на машине. Я подвез ее до аэропорта Трюдо. Когда я остановился у терминала, Реган спросила:

– А почему ты не самолетом, Маркус?

Я на секунду замешкался: как ей толком объяснить, почему я предпочитаю машину? И солгал:

– Люблю дорогу от Нью-Йорка до Монреаля.

Но этот ответ не удовлетворил ее:

– Не пугай меня, ты же не боишься летать?

– Нет, конечно.

Она поцеловала меня и вознаградила словами: “Все равно я тебя очень люблю”.

– Когда мы увидимся снова? – спросил я.

– А ты когда обратно в Монреаль?

– Двенадцатого апреля.

Она заглянула в ежедневник:

– Ночью я буду в Чикаго, а потом ротация, меня на неделю перекинут на рейсы в Торонто.

И, увидев мою расстроенную физиономию, добавила:

– Зато потом у меня неделя отпуска. Вот тогда, обещаю, у нас будет время побыть вдвоем.

Запремся у тебя номере и вообще выходить не будем.

– Может, нам куда-нибудь поехать на несколько дней? – предложил я. – Чтобы ни Нью-Йорка, ни Монреаля. Только мы с тобой где-нибудь.

Она энергично закивала, одарив меня своей самой прекрасной улыбкой.

– Я бы с радостью, – шепнула она так, словно признавалась в чем-то не совсем благовидном.

Крепко поцеловав меня, она вышла из машины; я был полон надежд на наше общее будущее. Она скрылась в здании аэропорта, а я, провожая ее взглядом, решил все устроить заранее: организовать романтическую вылазку в один отель на Багамах – “Харбор Айленд”, мне его очень расхваливали. Набрал на мобильном адрес и зашел на сайт отеля: местечко на частном острове выглядело настоящим раем. Вот здесь мы и проведем неделю отпуска – на песчаном пляже, на берегу лазурного моря. Я тут же оформил бронь, а потом выехал в Нью-Йорк.

Миновав Восточные кантоны – в Мейгоге я остановился купить кофе, – я добрался до городка Станстед на границе Соединенных Штатов; вы, быть может, про него слышали: тут находится единственная в мире библиотека, расположенная сразу в двух странах.

На границе американский таможенник проверил у меня паспорт и машинально спросил, откуда и куда я направляюсь. Я ответил, что еду из Монреаля на Манхэттен, и он заметил: “Не самый короткий путь до Нью-Йорка”. Решив, что я сбился с дороги, он подробно объяснил, как выехать на автостраду 87. Я вежливо выслушал его, у меня и в мыслях не было следовать его советам.

Я прекрасно знал, куда еду.

Я ехал в Аврору, в Нью-Гэмпшир. Туда, где мой друг Гарри Квеберт провел большую часть жизни, прежде чем бесследно исчезнуть.

День убийства

3 апреля 1999 года

Полицейский «шевроле импала» без опознавательных знаков несся на полной скорости с включенной мигалкой и сиреной по шоссе 21, соединяющему городок Маунт-Плезант с остальным Нью-Гэмпширом. Полоса асфальта вилась среди цветущих полей и покрытых кувшинками прудов, за которыми простирался громадный лес Уайт-Маунтин.

За рулем был сержант Перри Гэхаловуд. Сидевший с ним рядом напарник, сержант Мэтт Вэнс, не поднимал глаз от карты региона.

– Уже скоро, справа, – подсказал Вэнс, когда они проехали заправку. – Увидишь дорожку, сворачивающую в лес.

– Надеюсь, местная полиция поставила кого-нибудь нас сориентировать.

Полицейские и представить себе не могли, какой их ждет прием: миновав последний поворот, они внезапно уперлись в пробку. Перри объехал ее по встречной полосе, сбавив скорость, – не столько из-за машин, сколько из-за десятков зевак, бродивших по обочине.

– Это что за балаган? – чертыхнулся он.

– Обычное зрелище: если в маленьком городке случается трагедия, все хотят быть в первых рядах.

Наконец они добрались до полицейского ограждения на повороте к парковке Грей Бич. Перри опустил стекло и показал охране свою бляху:

– Уголовная полиция штата.

– Езжайте прямо, по грунтовке, – показал полицейский, приподнимая ленту, перекрывавшую проезд.

Через несколько сотен метров «шевроле импала» оказался на большой, поросшей травой поляне у опушки леса. По ней расхаживал взад-вперед сотрудник местной полиции.

– Уголовная полиция штата, – снова объявил Гэхаловуд в открытое окно.

Полицейский, казалось, был совершенно выбит из колеи.

– Паркуйтесь тут, – сказал он, – по-моему, там внизу бедлам.

Оба инспектора вышли из машины и зашагали по тропинке.

– И почему вечно все случается на выходных? – смиренно осведомился Вэнс. – Помнишь дело Грега Боннета? Тоже в субботу.

– Пока я не стал твоим напарником, выходные у меня проходили тихо-мирно, – пошутил Гэхаловуд. – По-моему, старик, ты приносишь несчастье. Вряд ли Хелен обрадуется, я ей обещал вечером помочь распаковать коробки. Но когда у тебя на руках убийство...

– Пока мы даже не уверены, что это убийство. Мало, что ли, нас вызывали из-за несчастных случаев на прогулке.

Вскоре они выбрались на парковку Грей Бич, забитую машинами экстренных служб. Вокруг царил страшная суматоха. Встретил их Фрэнсис Митчелл, шеф полиции Маунт-Плезант.

– Зрелище не из приятных, господа, – сразу предупредил он.

– Что, собственно, произошло? – спросил Гэхаловуд. – Нам сказали, у вас мертвая женщина.

– Лучше пойдите посмотрите сами.

Шеф Митчелл повел их по тропинке к озеру.

И Перри Гэхаловуд, и Мэтт Вэнс, в общем, привыкли видеть трупы и места преступления, но, выйдя на галечный пляж, оба застыли как вкопанные: такое им еще не попадалось. На пляже, лицом в рыхлый грунт, лежало тело женщины, а рядом с ней – мертвый медведь.

– Тревогу подняла девушка на пробежке, – сказал Митчелл. – Она увидела медведя, который поедал эту женщину.

– Как это – поедал?

– Как-как, жрал он ее!

Женщина, лежащая на берегу, почти казалась спящей. Вокруг все было мирно – шелестела озерная вода, птицы распевали весенние песни. Только медведь, распростертый в луже крови, блестящей на черной шкуре, напоминал о недавно разыгравшейся здесь драме.

– Мне очень жаль несчастную, но кто бы мне объяснил, зачем вызывать уголовную полицию из-за нападения медведя, – обратился Мэтт Вэнс к шефу Митчеллу.

– Здесь полно гризли, – ответил шеф Митчелл, – у нас, поверьте, есть какой-никакой опыт. С ними уже бывали несчастные случаи, но они нападают на человека, защищая свою территорию, а не затем, чтобы его сожрать.

– Что вы имеете в виду?

– Медведь ел мясо этой женщины, потому что он падальщик. Когда он ее нашел, она была уже мертва.

Гэхаловуд и Вэнс осторожно приблизились к трупу. С этого расстояния он уже ничем не напоминал мирно спящую женщину. Разодранная в клочья одежда, глубокие следы зубов. Волосы слиплись от запекшейся крови.

– Что думаешь, Перри? – спросил Вэнс.

Гэхаловуд осмотрел жертву: на ней были кожаные штаны и изящные полусапожки.

– Одета как на выход. Думаю, ее убили ночью. Но раны, которые нанес медведь, на вид совсем свежие.

– Значит, медведь нашел ее уже мертвую, должно быть, на рассвете, – заключил Вэнс.

Гэхаловуд кивнул:

– Скверная история. Тут нужна тяжелая артиллерия.

Вэнс достал мобильный, чтобы вызвать подкрепление и судмедэкспертов.

Гэхаловуд снова склонился над женским трупом. И заметил бумажку, торчавшую из заднего кармана брюк. Он натянул латексные перчатки, достал сложенный вчетверо листок, развернул и прочел лаконичное послание, отпечатанное на компьютере:

я все про тебя знаю.

В Аврору я приехал около полудня.

Городок, как и остальная Новая Англия, был покрыт тонким слоем снега, таявшим под ярким солнцем. Под любым предлогом я заезжал сюда оживить воспоминания, что связывали меня с Гарри Квебертом.

Глава 2

Воспоминания

Нью-Гэмпшир
6 апреля 2010 года

Честно говоря, поначалу я решил, что, написав и выпустив в свет “Правду о деле Гарри Квеберта”, смогу перевернуть страницу, оставить в прошлом нашу внезапно оборвавшуюся дружбу. Но повальный спрос на книгу не давал забыть, насколько важным было для меня это дело. Не столько расследование – оно было закрыто, не столько его выводы, сколько так и не разрешенный вопрос: куда подевался Гарри Квеберт? Что с ним случилось? И почему он решил исчезнуть из моей жизни?

В “Правде о деле Гарри Квеберта” я подробно рассказывал, как мы с Гарри сдружились. Здесь не место все это повторять, хочу только подчеркнуть, что Гарри верил в мое писательское будущее, причем настолько, что приглашал меня к себе поработать над текстами. Первый раз я ездил в Аврору в январе 2000 года. Тогда я впервые побывал в его невероятном доме в Гусиной бухте, уединенном писательском доме на берегу океана, и в то же время мне открылось одиночество Гарри, о котором я прежде не подозревал. Знаменитый Гарри Квеберт, фигура харизматичная и осыпанная похвалами, был на самом деле поразительно одинок – ни жены, ни детей, никого. Прекрасно помню тот день: холодильник у него был безнадежно пуст. В ответ на мое недоумение он сказал, что не привык принимать гостей. И повел меня поесть в “Кларкс”, забегаловку на главной улице. Так я и узнал об этом месте, неразрывно связанном с легендой о Гарри. Познакомился с Дженни Куинн, хозяйкой заведения, влюбленной в Гарри уже двадцать пять лет. У Гарри там был свой столик, номер 17, на котором Дженни Куинн привинтила табличку с надписью:

за этим столиком летом 1975 года
писатель Гарри Квеберт сочинил
свой знаменитый роман “Истоки зла”

Роман “Истоки зла”, вышедший в 1976 году, принес Гарри известность и славу. Но на мои восторженные расспросы Гарри только поморщился:

- Я автор одной успешной книги. Меня знают исключительно по этому роману.
- Но какому роману! Это шедевр!

Дженни подошла принять заказ. Гарри, показав на меня, сказал ей: “Если этот юноша будет писать так же, как боксирует, Дженни, он станет великим писателем”.

Когда она удалилась, я попросил Гарри пояснить его мысль. И он ответил:

– Все всегда хотят, чтобы великий писатель был похож на предшественников, и никому не приходит в голову, что он потому и великий, что на них не похож.

Меня ответ не вполне убедил, и тогда Гарри добавил:

– Знаете, Маркус, я видел, как вы только что страстно разглядывали классиков у меня в библиотеке. Вы смотрите на книги и спрашиваете себя, будут ли через полвека так же смотреть на ваши. Напишите для начала книжку, уже будет неплохо. И прекратите забивать нам голову будущим.

– Я хочу быть как вы, Гарри.

– Вы сами не знаете, что говорите. Я сделаю все, чтобы вы не были на меня похожи. Вот поэтому-то вы и здесь.

Последней фразы я не понял. Я был всего лишь юношей, который нашел наставника. Мог ли я тогда, ослепленный собственной наивностью, представить, что летом 2008 года в этом мирном городке прогремит уголовное дело, а “Истоки зла”, считавшиеся вершиной американской литературы, в одночасье уберут с полок книжных магазинов и библиотек?

В тот апрельский день 2010 года, спустя десять лет после моего первого приезда, я припарковался у “Кларкс”. Маркус, тогдашний мечтательный студент, вернулся в ореоле славы, но без Гарри.

После событий лета 2008 года заведение было продано. Никого из персонала я не знал, и это меня устраивало: с тех пор, как я проник в тайные глубины Авроры своим расследованием о “Деле”, большинство горожан относились ко мне холодно. В кафе, кроме владельца, ничего не изменилось. Ни обстановка, ни меню. Столик Гарри был свободен, и я уселся за ним. Завсегдатаи считали его теперь столиком изгоев. Сидели за ним только приезжие. После лета 2008 года табличку сняли. Остались лишь дырки от винтов, словно отметины от пуль, следы казни. Я заказал чизбургер с картошкой фри и стал есть его, глядя в окно.

Я как раз заканчивал перекус, когда ко мне подсел местный библиотекарь, Эрни Пинкас. Эрни был моей последней опорой в Авроре – сердечный, влюбленный в книги, единственный своих спутников с тех пор, как он овдовел. Эрни заведовал “Домом писателей Гарри Квеберта” – программой, которую я разработал в сотрудничестве с университетом Берроуза и которая позволила превратить дом Гарри Квеберта в Гусиной бухте в резиденцию для молодых перспективных писателей. Скандал лета 2008 года запятнал репутацию Гарри, но его аура не пострадала: претенденты буквально сражались за право пожить в этом престижном и удобном месте. Эрни Пинкас отбирал кандидатов совместно с филологическим факультетом университета Берроуза, который оплачивал содержание дома. Здесь могли поселиться на три месяца и вести совместный быт до шести писателей. У Эрни в связи с новыми обязанностями появился в Берроузе небольшой кабинет, и он этим страшно гордился.

– Маркус, что ты опять тут делаешь? – спросил Эрни, усаживаясь напротив.

Удивление его объяснялось тем, что он видел меня здесь всего неделю назад, когда я ехал в Монреаль. Тогда мы выпили кофе в Гусиной бухте, а заодно я поприветствовал новых обитателей, которые должны были жить там до лета.

– Проезжал мимо, – ответил я, – остановился пообедать.

– Из Монреаля?

По голосу было понятно, что его не проведешь. Что он знает: я здесь, ибо гоняюсь за Гарри – или за собственными призраками.

– Ты не едешь, а блуждаешь, Маркус, – произнес он.

Эрни попал в точку.

– Знаешь, кто так делал?

– Что делал?

– Таскался в “Кларкс”. Гарри. Я никак не мог понять, чем он таким занят: часами сидит на этом самом месте, за этим столом, уставившись в пустоту, точно как ты. Я думал, он искал вдохновение. А он на самом деле ждал Нолу.

Я тяжело вздохнул.

– Мне нужен хоть какой-то знак, Эрни.

– Гарри больше не появится в Авроре.

– Почему ты так уверен?

– Он перевернул эту страницу. И тебе надо перевернуть.

– Что ты хочешь сказать?

– Он перевернул страницу благодаря тебе, Маркус. Теперь он знает, что случилось с Нолой. Ему больше не нужно сидеть здесь и ждать. Он смог наконец уехать. Аврора была для него тюрьмой, и ты его освободил.

– Нет, Эрни, Аврора была...

– Маркус, ты знаешь, что я прав, – перебил Эрни. – Ты знаешь, что Гарри никогда сюда больше не вернется. Друзей нельзя ждать, как автобус. Зачем ты все время сюда приезжаешь? У тебя своя жизнь. Хватит терзаться. Ты славный парень, Маркус. Пора заняться чем-нибудь другим.

Эрни был прав. Но, пообедав, я все равно совершил паломничество в Гусиную бухту. Прошелся по пляжу под домом Гарри, потом сел на большой обломок скалы и стал любоваться окрестностями. Смотрел на внушительный дом, полный воспоминаний. По песку скакали чайки. Понемногу небо затянуло облаками, заморосил дождик. И тут я увидел, как из пелены тумана появился человек, которого я считал близким другом: Перри Гэхаловуд, сержант уголовного отдела полиции штата Нью-Гэмпшир. Расплывшись в лукавой улыбке, он шагнул ко мне, неся в каждой руке по стаканчику кофе.

Тем, кто меня знает и читает, прекрасно известно, что связывает меня с Перри Гэхаловудом. Остальным позвольте кратко напомнить: с Перри я познакомился два года назад, в ходе знаменитого дела Гарри Квеберта, он как раз им занимался. Мы вместе пролили свет на смерть Нолы Келлерган. Кто-то скажет, что убийство Нолы позволило мне написать второй роман. Но на самом деле оно позволило взрастить семена дружбы, которая завяжется у меня с этим необычным полицейским, похожим на фрукт из пустыни – колючим, нарастившим толстую корку, но со сладкой мякотью и нежным сердцем. Таков был Перри Гэхаловуд: жесткий, грубый, гневливый, но верный, справедливый и прямой. По-моему, о качествах мужчины можно судить по его семье, а его семья – которую я близко знал – источала счастье.

– Сержант, – с первого дня нашего знакомства я звал его “сержант”, а он меня – “писатель”, и традицию эту мы сохранили, – вы что тут делаете?

Он протянул мне стаканчик с кофе:

– Хотел задать вам тот же вопрос, писатель. Вам известно, что всякий раз, когда вы сюда являетесь, кто-нибудь непременно звонит в полицию? Хорошенькое впечатление вы оставили по себе в городе.

– Вы хуже моей матери, сержант.

Он расхохотался:

– Какой злой умысел привел вас в Аврору, писатель?

– Возвращался из Монреаля, заехал по дороге.

– Это крюк на два часа, – возразил Гэхаловуд.

Я кивнул в сторону дома в дымке дождя:

– Я полюбил этот дом, полюбил этот город. А когда любишь, это сильнее тебя, это навсегда.

– Если вы полагаете, что любите этот город, писатель, то вы ошибаетесь. Вы любите свои здешние воспоминания, это называется «ностальгия». А ностальгия – это способность убедить себя, что наше прошлое было в основном счастливым, а значит, мы все делали как надо. Всякий раз, когда мы что-нибудь вспоминаем и говорим себе: “Как было хорошо”, на самом деле наш больной мозг источает ностальгию и убеждает нас, что мы жили не напрасно и не теряли время даром. Потому что терять время – значит терять жизнь.

Выслушав эту тираду, я подумал, что Гэхаловуд, всегда готовый взбаламутить всех и вся, рассуждает абстрактно; мне и в голову не пришло, что он говорит о себе. Я решил, что это камень в мой огород:

– И все-таки в Гусиной бухте было хорошо.

– Кому хорошо, вам? Не уверен. Вы писатель десятилетия, а таскаетесь в нью-гэмпширское захолустье. Последний раз я вас тут видел в октябре, помните?

– Помню.

– Думал, вы тогда приехали попрощаться с этим домом. Мы пили пиво примерно на этом же месте, и вы мне наплели с три короба, что якобы пускаетесь на поиски любви. Погорели, судя по всему! Вы все еще со своей летчицей?

Перри Гэхаловуд был лучше, чем кто-либо, осведомлен о моей личной жизни: я звонил ему после каждого свидания. Когда мы познакомились с Реган, я рассказал ему об этом первом.

– По-моему, у нас с Реган все более или менее серьезно.

– Ну наконец-то хорошая новость, писатель. Если не хотите, чтобы все кончилось, не привозите ее в сюда в отпуск.

– Представьте себе, я везу ее на Багамы.

– Пфф, как вы меня бесите, писатель.

– Частный остров, просто невероятное место. Хотите посмотреть фото?

– Сказал бы «нет», но, чувствую, вы меня все равно заставите.

Сидя вдвоем на камне, не обращая внимания на сыпавшуюся морось, мы болтали о пустяках – обычный дружеский разговор. Я упоминаю его лишь по одной причине: я не спросил, как дела у Гэхаловуда. Расспрашивал про его жену Хелен, про дочерей, Малию и Лизу, но не поинтересовался, как он сам. Не дал ему возможности выговориться. И к концу беседы не имел ни малейшего понятия о том, что творилось в его жизни.

Мы допили кофе, и Гэхаловуд встал.

– Пора возвращаться к уголовным делам? – спросил я.

– Нет, пора встречаться с Хелен. Сегодня день рождения Лизы, надо пройтись по магазинам. Ей сегодня одиннадцать.

– Уже одиннадцать! И каково это вам, папа-сержант? Старость не радость?

Гэхаловуд вдруг помрачнел.

– Все в порядке, сержант? Не вижу особой радости.

– К несчастью, эта дата связана с одним тяжелым воспоминанием. Ровно одиннадцать лет назад, 6 апреля 1999 года, моя жизнь пошла под откос.

– Что случилось?

Но Гэхаловуд сменил тему: он отлично умел это делать, когда речь шла о нем самом.

– Неважно, писатель. Вечером у нас домашний ужин в честь Лизы, собираемся всей семьей. Присоединяйтесь. В шесть часов.

– С удовольствием. Могу даже пораньше прийти, если хотите.

– Только не это! Появляться раньше шести часов строго воспрещается!

– Есть, сержант!

Он отошел на пару шагов, обернулся и произнес обычным своим издевательским тоном:

– Только не думайте, писатель, что я вас считаю членом семьи. Просто Хелен меня убьет, если я вас не приглашу.

– Ничего я не думаю, – улыбнулся я.

Он ушел. Я еще немного посидел на пляже, размышляя, что же могло приключиться в жизни Перри одиннадцать лет назад. Мне и в голову не могло прийти, какая драма годами не давала ему покоя – пока не случилось то, о чем я собираюсь здесь рассказать.

День убийства

3 апреля 1999 года

Городок Маунт-Плезант бурлил как никогда. Все расспрашивали друг друга, хотели хоть что-нибудь узнать. Во всех торговых точках говорили только об одном. Что в “Сизон”, кафе, славящемся своими завтраками, что в книжной лавке Чинции Локкарт, что в магазине охотничьих и рыболовных товаров семейства Кэрри покупатели допытывались:

– Вам что-нибудь известно?

– Нет. А вам? Вы ездили посмотреть, что делается на Грей Бич?

– Жена ездила, но там все перекрыто полицией.

В Маунт-Плезант знали только одно: на Грей Бич нашли мертвую женщину. Тело ее обнаружили на пробежке Лорен Донован, дочь Джанет и Марка Донованов, владельцев продуктового магазина. По мере того, как распространялась новость, люди стекались в “Продукты Донованов” якобы за покупками, но в основном чтобы что-нибудь выяснить. В магазине было полно народу, доходило чуть ли не до толчеи. Покупатели останавливали Марка или Джанет Донован и без обиняков спрашивали:

– А Лорен здесь?

– Нет.

– Вам что-то известно о том, что случилось на Грей Бич?

– Мне известно не больше вашего. Лорен все еще с полицией. Извините, но у меня много покупателей.

– Если что-то узнаете, сразу скажите нам!

Пока любопытные в Маунт-Плезант довольствовались вопросами, следователи на Грей Бич искали первые ответы. Полсотни сотрудников местной полиции и полиции штата прочесывали вдоль и поперек окрестный лес и берега озера. На пляже вокруг тела, по-прежнему лежавшего лицом вниз, суетились судмедэксперты. А на парковке криминалисты обследовали синий автомобиль с откидным верхом. Судя по номерам, машина принадлежала молодой женщине двадцати двух лет, Аляске Сандерс. На пассажирском сиденье лежала сумка, в которой, помимо прочего, нашлись водительские права.

Имя это взволновало местных полицейских: Аляска Сандерс была из Маунт-Плезант.

– Надо бы взглянуть на ее лицо, убедиться, что это и вправду она, – сказал Митчелл Гэхаловуду и Вэнсу, пока коронер возился с безжизненным телом.

– Что вы можете про нее сказать? – спросил Вэнс.

– Совершенно обычная девушка. Поселилась здесь со своим дружкой несколько месяцев назад. Работала на соседней автозаправке.

– Откуда вы ее знаете?

– В Маунт-Плезант все всех знают.

Получив первые образцы, коронер пошевелил труп и перевернул жертву лицом вверх. Взглянув на него, шеф Митчелл выругался сквозь зубы. Сбежались местные полицейские, поднялся ропот.

– Она? – спросил у Митчелла Гэхаловуд.

– Да.

Гэхаловуд с Вэнсом подошли к телу.

– Ну что, док? – обратился Вэнс к коронеру.

– Сержант, вы меня знаете, я не люблю высказываться до вскрытия. На этом этапе могу сказать, что смерть наступила где-то в середине ночи. В час или в два. Причина, судя по

всему, – удар по затылку. У жертвы глубокая рана в задней части черепа. Медведь здесь ни при чем.

– Значит, в самом деле убийство.

– Да, в этом сомнений нет. Ей нанесли удар тупым предметом. Остальное я вам доложу после вскрытия.

– И когда это будет?

– Постараюсь как можно скорее.

– Это не ответ, – заметил Вэнс.

– Для меня – ответ, – хохотнул коронер.

Гэхаловуд и Вэнс секунду постояли молча, глядя на труп. Внезапно послышался чей-то голос:

– Ненавижу убийства в маленьких городках. Вечно какая-нибудь грязная история.

Это был капитан Моррис Лэнсдейн, глава уголовного отдела полиции штата.

– Что вы здесь делаете, капитан? – спросил Вэнс. – Я думал, вы в отпуске.

– Какой отпуск, когда черт-те что творится, – ответил Лэнсдейн. – Большой босс, – так называли шефа полиции штата Нью-Гэмпшир (кстати, через несколько лет этот пост займет Лэнсдейн), – желает знать, что происходит, и просил меня доложить ситуацию. Что у вас тут?

– Жертва – двадцатидвухлетняя женщина по имени Аляска Сандерс, – начал отчет Гэхаловуд. – Родом из Салема, штат Массачусетс. Убита сегодня ночью ударом по затылку.

– Ее машину обнаружили на пляжной парковке, – подхватил Вэнс. – Дверцы были не заперты. На заднем сиденье лежит дорожная сумка с одеждой, на переднем – дамская сумочка.

– Убийство из корыстных побуждений? – спросил Лэнсдейн.

– Вряд ли, – отозвался Гэхаловуд. – Мы обнаружили у жертвы письмо с угрозами. Одна фраза, напечатана на компьютере: «Я все про тебя знаю».

– Гм. Месть?

– Возможно. По крайней мере, дорожная сумка заставляет думать, что она куда-то уезжала. Или от чего-то бежала.

– Сейчас добуду координаты ее родителей, – добавил Вэнс. – Хочу их известить побыстрее. Городок маленький, местные копы наверняка все разболтают. Не хочу, чтобы семья обо всем узнала из новостей.

– Вы правы, – кивнул Лэнсдейн. – Работайте. Хотя нет, подождите... что это за история с медведем? С тех пор, как приехал, мне все про нее твердят.

– Тело обнаружила девушка на пробежке, она увидела, как медведь рвал труп, – объяснил Гэхаловуд.

Лэнсдейн брезгливо поморщился:

– Вы говорили с этой бегуньей?

– Еще нет. Она нас ждет на соседней заправке. Сейчас съездим поговорим.

В этот момент к ним подошел полицейский:

– Вас просят пройти в лес. Они кое-что нашли. Идемте, я вас отведу!

Гэхаловуд, Вэнс и Лэнсдейн последовали за полицейским по тропинке. Лес был пронизан солнцем. Они петляли среди папоротников и столетних деревьев и наконец вышли к заброшенному трейлеру, опутанному корнями и кустарником. Перед ним ожидала группа полицейских.

– Мы внутрь не входили, – сказал один из них, – только заглянули в приоткрытую дверь.

– И что? – спросил Гэхаловуд.

– Посмотрите сами, – полицейский протянул ему фонарик.

Окна трейлера были заколочены, и Гэхаловуд, просунув голову в жилище, поначалу ничего не увидел в темноте. Потом луч фонарика высветил сущий хаос: вспоротый матрас, мусор, окурки. А главное – пуловер на полу, запачканный чем-то алым. Гэхаловуд шагнул внутрь трейлера, чтобы подойти поближе. На пуловере были пятна крови.

– Надо немедленно звать судмедэкспертов и как следует прочесать это место, – велел Гэхаловуд.

Они с Вэнсом стали изучать окрестности. Метрах в десяти обнаружилась довольно широкая тропа, по которой вполне могла проехать машина, – ею пользовались лесничие. Вэнс заметил на земле осколки задней автомобильной фары. На стволе соседнего дерева виднелись свежие следы удара.

– Вроде бы черная краска, – произнес он, приглядевшись к темной полосе на коре.

* * *

В полдень у Робби и Донны Сандерсов раздался звонок. Выслушав сержанта Мэтта Вэнса, оглушенные родители так и остались стоять с телефонной трубкой в руках. Убитые. Весь их мир рушился.

В двухстах километрах от них, на цветущем лугу, отделявшем лес Грей Бич от шоссе 21, Вэнс захлопнул крышку мобильного и вернулся к Гэхаловуду. Тот ждал его, прислонившись к их машине без опознавательных знаков.

– Такой день, а тут эти долбанные цветы, – ругнулся Вэнс, пнув гроздь кандыков. – Родители Аляски в конце дня приедут к нам в управление.

– Спасибо, что занялся этим, – сказал Гэхаловуд, братски хлопнув его по плечу.

– Все нормально, Перри, у тебя младенец на подходе. Тебе вообще не надо тут быть, глядеть на этот кошмар.

– Работа такая. Кстати, шеф Митчелл дал мне адрес Аляски в Маунт-Плезант. Квартира на главной улице, она там жила со своим дружком. Он вроде бы работает в магазине для охотников и рыболовов в том же доме. Между прочим, он сейчас там.

– Начнем с заправки, потом поедем в Маунт-Плезант, – решил Вэнс.

“Шевроле импала” выехал по грунтовке на шоссе 21, и здесь Гэхаловуду пришлось включить сирену, чтобы проложить дорогу среди полицейских, зевак и журналистов. Он свернул налево, к Маунт-Плезант. Через километр они оказались на автозаправке, где в то утро все началось. Перед ней стояла машина местной полиции.

В магазине находились Лорен Донован, девушка, обнаружившая тело во время пробежки, и Льюис Джейкоб, заправщик; они плакали и утешали друг друга, на них беспомощно взирал полицейский Питер Филипс. Увидев Гэхаловуда и Вэнса, Льюис Джейкоб воскликнул:

– Это правда? Это Аляска? Это Аляска умерла?

Полицейские переглянулись: информация уже просочилась.

– К сожалению, правда, – произнес Гэхаловуд.

– Как она умерла? Ее правда загрыз медведь? Так Питер сказал. Но медведи ни на кого не нападают. Особенно гризли, которые тут у нас. Ко мне прошлой осенью повадились ходить сразу два, рылись в мусорных баках. Уверяю вас, на них прикрикнешь хорошенько, и они удирают.

– Медведь ее не убивал, – сказал Вэнс.

– Но тогда почему же она умерла?

Вэнс, уклонившись от ответа, спросил:

– Когда вы в последний раз видели Аляску?

– Вчера вечером. Я ушел отсюда в 19.30, она должна была в 20.00 закрыть магазин.

– И закрыла?

– Да, когда я приехал сегодня утром, сигнализация была включена, все выглядело нормально.

– Какая она была вчера, как вам показалось?

– Такая же, как всегда. Ничего необычного. Знаете, она была такая приветливая, всегда скажет что-нибудь приятное, всегда в хорошем настроении. Не девушка, а чудо!

– У нее были планы на вечер? Она о чем-нибудь упоминала?

– Сказала, что у нее “романтический ужин”. Этими самыми словами.

– С ее дружкой?

– Я ее спросил, она не ответила. Знаю, что у них сейчас отношения так себе. Вы говорили с Уолтером?

– Уолтер – это ее дружок, так?

– Да, Уолтер Кэрри.

– Мы зайдем к нему позже.

Гэхаловуд поднял глаза и заметил под потолком камеру наблюдения.

– Можно взглянуть на видеозаписи?

– Вот только что объяснял: не умею я обращаться с этой штукой, проматывать назад, – признался Льюис Джейкоб. – За все время ни разу не понадобилось. Но это можно сделать, я знаю. Эту фиговину установил мой племянник. Я ему звонил, чтобы он приехал, но он в Вермонте на выходных.

– Если позволите, мы заберем жесткий диск.

– Берите, что хотите, сержант.

* * *

До убийства Аляски Сандерс Маунт-Плезант был сама безмятежность и сладость жизни. Прелестный городок на границе штата Мэн, в двух часах езды до Канады, окруженный Национальным лесом Белой горы, Уайт-Маунтин.

Главная улица в обрамлении высоких кленов, покрытых снегом зимой и дававших щедрую тень летом. По обеим сторонам широких тротуаров – магазины, известные во всем регионе: “Продукты Донованов” с их тщательным отбором товаров, не имевших ничего общего с провизией из супермаркета; знаменитая “Книжная лавка Локкарт”, владелица которой, Чинция Локкарт, устраивала автограф-сессии многих писателей Восточного побережья; “Охота и рыбалка Кэрри”, принадлежащий семейству Кэрри, которое высоко ценили за качественный инвентарь и компетентные советы; а еще спортивный бар “Нэшнл энфем”, где транслировались матчи национальной футбольной, бейсбольной и хоккейной лиги – владелец был страстным болельщиком.

В тот день все прохожие на этой городской артерии только и судачили о том, что найденная мертвая женщина – это Аляска Сандерс. Несколько полицейских жен узнали об этом от мужей. Внезапно все смолкли, провожая взглядом полицейский “шевроле импала” – машину опознали по включенной мигалке на крыше, – двигавшийся вверх по улице. Автомобиль затормозил у продуктового магазина Донованов. Из него вышел сержант Гэхаловуд и открыл дверцу Лорен Донован.

– Спасибо, сержант, – сказала она.

– Держитесь, Лорен. Если будут вопросы, моя визитка у вас есть.

Она кивнула и скрылась в магазине, стараясь не встречаться глазами с зеваками, уставшимися на нее. Оказавшись внутри, бросилась за прилавок к матери. Та крепко обняла ее:

– Милая моя...

– Ох, мама, это было ужасно!

Покупатели немедленно закидали Лорен вопросами: “Это Аляска умерла? А что ты видела? А что творится на Грей Бич?”

Джанет Донован увела дочь в подсобку, подальше от толпы. Марку Доновану, отцу, пришлось изрядно потрудиться, чтобы сдержать натиск покупателей; тех, кто пришел не за продуктами, он выгнал прочь.

Джанет Донован сварила в подсобке кофе и помогла дочери сесть на стул. К ним присоединился Эрик, старший брат Лорен: он работал с родителями в магазине.

– Да, это Аляска умерла, – сказала ему Лорен дрожащим голосом.

– Что? – пробормотал потрясенный Эрик. – В голове не укладывается...

– Эта сцена на пляже, это что-то жуткое, Эрик. Я ее тогда не узнала, впрочем, я, по счастью, мало что видела.

– Аляска умерла... – повторил Эрик, все еще не в силах поверить. – Надо сходить к Уолтеру.

– К нему сейчас едет полиция.

Через несколько десятков метров “шевроле импала” без опознавательных знаков припарковался у магазина “Охота и рыбалка Кэрри”. Уолтер Кэрри стоял за прилавком. Когда он увидел в дверях двоих мужчин с жетонами на ремне, у него подкосились ноги. Слухи оказались правдой. Аляска мертва.

Уолтер укрылся от взглядов любопытных, столпившихся у магазина, в подсобном помещении. Это был крепкий мужчина лет тридцати. Старое кресло, в котором он скорчился, чуть ли не разваливалось под его весом. Он растерянно твердил: “Убита? Убита? Но кто же мог это сделать? И почему?” Прошло немало времени, прежде чем он собрался и смог отвечать на вопросы следователей.

– Вы жили вместе, так? – спросил Вэнс.

– Да, в квартирке прямо над магазином.

– Вас не удивило отсутствие вашей подружки?

– Она уехала на выходные.

– И куда же она отправилась?

– К родителям, по-моему. Вы с ними говорили?

– Да, – ответил Вэнс, – и они явно были не в курсе, что она приедет.

Уолтер Кэрри схватился за голову, повторяя: “Это невозможно! Невозможно!”

– Уолтер, – спросил Вэнс, – когда вы последний раз видели Аляску?

– Вчера... вчера под вечер.

– И? – продолжал Вэнс. – Вы не заметили ничего необычного?

– Ох, да! Можно даже сказать, она была как ненормальная. Я на минутку забежал домой около пяти часов. Замерз, хотел свитер взять. Вошел, а она тут. Я удивился, в принципе, она до восьми работала на заправке. Думал, она мне сюрприз сделала. Да уж, сюрприз так сюрприз...

* * *

Накануне

17.15

Уолтер открыл дверь квартиры и наткнулся на Аляску. На ней были черные брюки в обтяжку, кружевная блузка, под которой виднелся лифчик, и эти ее черные полусапожки – в них она была такой соблазнительной. Стоя в прихожей, она гляделась в большое зеркало.

– Аляска, – улыбнулся Уолтер, решивший, что она нарядилась для него.

– Ой, это ты?

По голосу он понял, что она не ожидала его увидеть.

– Что ты тут делаешь? – спросил Уолтер уже другим тоном. – И почему ты так одета?

– Просто так. Примеряю.

Она тут же переделалась в джинсы и поло, в которых работала на заправке. Потом сунула брюки, блузку и сапожки в большую кожаную сумку.

– Ты что творишь? – спросил Уолтер.

Она взглянула на него с досадой:

– Уолтер... ну пожалуйста... не притворяйся, будто не понимаешь.

– Чего я не понимаю?

– Я ухожу. Ухожу от тебя.

– Что? Это как это – ухожу?

– У нас с тобой все плохо, Уолтер. И потом, я вовсе не мечтаю прожить всю жизнь над магазином твоих родителей... А куда мне с тобой ехать?

– Ты не можешь просто так уйти, Аляска! Ты даже не даешь мне шанса!

– Прости.

– Куда ты?

– Вернусь на время к родителям, потом решу.

* * *

– Так все и кончилось, – заключил Уолтер. – Взяла сумку и ушла. Я вышел за ней на улицу, пытался уломать. Но она ничего не желала слушать. Села в машину и смылась.

– И что вы стали делать? – спросил Гэхаловуд.

– В магазин зашел клиент. Пришлось вернуться.

– Вы были в магазине один?

– Да, сейчас тут только я. Родители отдыхают, возвращаются завтра.

– Значит, вы не ожидали, что Аляска от вас уйдет?

– Нет! У нас были всякие нелады, как у всех. Но чтобы просто так уйти, не сказав ни слова...

– У нее был кто-то другой? – спросил Вэнс.

– Нет! – вопрос задел Уолтера. – А впрочем... не знаю... я уже ничего не знаю... все какое-то нереальное...

– И что дальше?

– Торчал в магазине до самого закрытия. Не хотел уходить раньше, родители иногда звонят, якобы узнать, как дела, а на самом деле проверяют, на месте я или нет. Испытание такое – насколько я серьезно настроен и готов взять дело в свои руки. Говорят, что от меня зависит, когда они уйдут на покой, ну, давят так, понимаете. Короче, я надеялся, что она вернется, но она не вернулась. Закрыв магазин, поднялся к себе. На душе было паршиво. В конце концов я вышел из дома. Мы с приятелем, Эриком Донованом, решили съесть по гамбургеру и посмотреть хоккей в “Нэшнл энфем”. Вернулся я довольно поздно.

– В котором часу?

– Не помню. Сильно выпивши был. Лег и проспал до полудня.

– Вы не ездили на заправку, не пытались резонить Аляску?

– Нет.

– Почему? – спросил Гэхаловуд. – Если бы меня бросила девушка, мне бы хотелось пойти к ней и попросить объясниться.

– С какой стати? – сердито пробурчал Уолтер. – Аляска уж если что решила, так решила. И потом, что, я буду умолять ее, делать из себя посмешище? Не хватало еще валяться у нее в ногах на глазах у всех клиентов заправки.

– Ну конечно, вы крепкий орешек, – съязвил Вэнс.

Уолтер пожал плечами:

– Я раз двадцать пытался ей звонить. Завалил ее сообщениями.

– Вы имеете в виду, на мобильный? – спросил Гэхаловуд.

– Конечно, на мобильный. А что?

– А то, что мы не нашли ее телефон. Ни у нее самой, ни в машине. Все ее вещи нашли, кроме мобильного. Уолтер, мы могли бы подняться к вам в квартиру?

– Само собой.

Молодой человек вывел полицейских из магазина через служебный вход. Рядом с ним находилась наружная лестница на второй этаж. Все трое зашли в квартиру, и Гэхаловуд с Вэнсом приступили к общему досмотру.

– Что вы ищете? – спросил Уолтер.

– Ничего конкретного. Просто положено в такой ситуации.

– Вы хотите сказать, в случае убийства?

– Да. Где вещи Аляски?

– В спальне.

Уолтер провел полицейских в комнату. Гэхаловуд заметил на полке полуразбитую камеру:

– Чья это камера?

– Аляски.

Гэхаловуд открыл отсек для кассеты и убедился, что тот пуст.

– Что случилось с камерой? – спросил он.

– Понятия не имею, – ответил Уолтер. – Аляска сказала, что уронила. Она в любом случае никогда ею не пользовалась. Завела для кастингов. Мечтала быть актрисой. У нее даже агентша была в Нью-Йорке, все такое. Но с тех пор, как Аляска переехала сюда, она оставила все эти планы.

– Если она никогда не пользовалась камерой, то почему она в таком виде? – спросил Вэнс.

– Не имею представления, правда.

Гэхаловуд открыл шкафы и осмотрел одежду:

– Каких-то вещей не хватает?

– Трудно сказать. Я же говорил, она с сумкой уехала, там были какие-то шмотки.

Гэхаловуд приподнял стопку брюк и вдруг застыл. Под брюками лежали еще два письма, таких же, как в кармане у Аляски:

я все про тебя знаю.

– Аляске кто-то угрожал? – спросил Гэхаловуд.

– Нет, а что?

– А то, что она получала угрозы. – Гэхаловуд показал Уолтеру послания.

– Это еще что такое? – спросил тот.

Ему казалось, что он сходит с ума.

– Аляска никогда вам про них не говорила?

– Нет, никогда! Какой-то кошмарный сон.

* * *

Под вечер оживление на Грей Бич спало. Тело Аляски унесли, ограждение у пляжа сняли. Полицейские машины уезжали одна за другой. Толпа репортеров и зевак поредела. Смотреть больше было не на что.

Гэхаловуд с Вэнсом вернулись в Конкорд, в управление полиции штата Нью-Гэмпшир, и приступили к неизменному ритуалу, с которого начиналось каждое их новое дело: установили

позади столов большую магнитную доску и стали на ней развешивать первые данные расследования.

Гэхаловуд написал красным фломастером: “Дело Аляски Сандерс”, Вэнс прикрепил пониже сделанные криминалистами фото, которые им только что принесли. На них было тело Аляски на пляже, мертвый медведь рядом, невыносимые крупные планы лица девушки. Фотографии записки “Я ВСЕ ПРО ТЕБЯ ЗНАЮ”, синей машины с откидным верхом, кожаной сумки с одеждой и косметичкой, обнаруженной в багажнике. Несколько общих планов леса. Зброшенный трейлер. Запаханный кровью пуловер на полу, серый, с буквами “М” и “U”. Тропинка в лесу. Дерево с отметиной черной краски. Осколки задней фары.

Их прервал звонок из приемной: приехали родители Аляски Сандерс.

– Давай я ими займусь, – предложил Вэнс Гэхаловуду. – Тебе домой надо.

Гэхаловуд взглянул на часы.

– Не собираюсь изображать из себя служащего, когда у нас убийство на руках.

– Ты не хуже меня знаешь, что до завтра ничего не случится, да и вообще... Вскрытие судмедэксперт сделает только в понедельник. Я свожу родителей Аляски в морг, чтобы опознали дочь. А ты езжай домой, займись Хелен и переездом. Только не давай ей таскать коробки. Я скоро заеду, если надо чем помочь.

Гэхаловуд вернулся к себе. Подъехав к своему новому дому, он сразу успокоился. Дневные тревоги словно смыло. Заглушив двигатель, он несколько минут любовался новым жилищем – маленьким, но миленьким. Они с Хелен три месяца назад сразу в него влюбились. С тех пор как она забеременела, они пытались съехать из слишком тесной квартиры и купить дом: скоро их станет четверо, нужно место. Ему хотелось, чтобы у дома был хоть какой-нибудь садик. Они объездили много домов, но безрезультатно. Ничего подходящего. Пока не нашли этот. День тогда был дождливый, но, несмотря на непогоду, на вид дом им понравился сразу. Переступив порог, они уже не сомневались: оба представляли, как здесь закипит жизнь. В довершение всего цена оказалась очень низкой: дом нуждался в ремонте. Через десять дней они подписывали договор. Ремонтные работы начались месяц спустя, но, как всегда, затянулись, и в конце концов они смогли переехать только на прошлой неделе, за несколько дней до родов.

Гэхаловуд открыл дверь. Внутри в веселом беспорядке громоздились коробки, но ему было плевать. Он был счастлив. Хелен прикорнула на диване. Он нежно разбудил ее, она пригнула его к округлившемуся животу:

– В этом доме так хорошо.

– Знаю. Где Малия?

– У моей матери. Сегодня ночует там.

– Прости, за весь день минуты не было тебе позвонить.

– Ничего страшного, я так и поняла, что тебе некогда.

– У нас убийство. Девушка, двадцать два года, нашли в лесу.

Гэхаловуд постарался выкинуть из головы образ Аляски.

– А ты как день провела? – спросил он, чтобы сменить тему.

– Сходила в тот магазинчик декора на Айзек-стрит. Смотри, что нашла.

Она встала и вытащила из бумажного пакета железную кованую накладку со сплетенными словами:

радость жизни

– Повесим снаружи, у входной двери, – пояснила Хелен.

– И что это будет значить?

– Нас! Нас в этом доме.

Гэхаловуд улыбнулся. После ужина он прибил настенное украшение под навесом крыльца. Как только он закончил, на аллее, ведущей к дому, остановилась машина: приехал Вэнс.

– Ну что? – спросил Гэхаловуд напарника, когда тот поднялся на крыльцо.

– Родители просто убиты. Нетрудно догадаться. Они официально опознали дочь.

Гэхаловуд принес две банки пива. Напарники сели на ступеньку и стали пить. Вэнс закурил.

– Милая хибарка, – сказал он.

– Спасибо.

– Но что вам приспичило переезжать за несколько дней до родов!

Вэнс разглядывал кованое украшение на стене, теперь оно будет встречать гостей.

– “Радость жизни”, – прочитал он.

– Это Хелен придумала, – сказал Гэхаловуд.

– Мне нравится, – одобрил Вэнс. – Это значит, не надо тащить сюда все ужасы, с которыми тебе придется сталкиваться.

Они посидели молча. Вэнс докурил сигарету и тут же достал еще одну. Он нервничал. Затянувшись пару раз, он подумал, что пора рассказать напарнику о своем решении. Мысли эти посещали его уже давно, но сегодня утром, увидев тело Аляски, он понял, что время пришло.

– Я начинал службу копом в Бангоре, в штате Мэн. Одно из моих первых дел – семнадцатилетняя девчонка, ее убили, когда она возвращалась пешком с вечеринки у подружки. Звали Габи Робинсон. Никогда ее не забуду. Того, кто это сделал, так и не нашли. Сегодня утром, когда я увидел это тело на пляже, во мне поднялась целая туча дурных воспоминаний. Дело Аляски Сандерс станет моим последним расследованием, Перри. Мы поймем того, кто это сделал. Мы его возьмем. Обещаю. Тогда я смогу посмотреть в глаза родителям Аляски и сказать им, что правосудие свершилось. А потом – хватит с меня.

К дверям Гэхаловуда я подошел сильно заранее – с цветами, бутылкой вина и подарком для Лизы. И, нажимая на звонок, как всегда, задержался взглядом на кованой вывеске, встречавшей гостей: “Радость жизни”.

Глава 3

Радость жизни

*Нью-Гэмпшир
6 апреля 2010 года*

Этот дом за последние два с лишним года стал средоточием нашей дружбы. Я начал заезжать сюда летом 2008 года, в разгар дела Гарри Квеберта. Тут я познакомился с Хелен, изумительной женой Гэхаловуда, и его прелестными дочками, Малией и Лизой. Настоящей вехой в наших с ними отношениях стало Рождество того же года.

* * *

Декабрь 2008 года

Дело Гарри Квеберта было завершено несколько месяцев назад, и общались мы редко, от случая к случаю. Но нерегулярность контактов – как всегда бывает с глубокими чувствами – нисколько не затронула оснований нашей дружбы. Я осознал это однажды утром, во время той праздничной передышки, когда время словно останавливается. Мне пришла по почте маленькая посылка от Хелен Гэхаловуд – местные нью-гэмпширские деликатесы и открытка с поздравлениями. На открытке был потрясающе правдивый портрет всего семейства: Перри, в одном из своих жутких галстуков, глядел в объектив с видом рассерженного бизона, а сияющая Хелен обнимала дочерей. Внутри – несколько строчек, написанных рукой Хелен:

*С Новым годом, дорогой наш Маркус, ты лучшее, что случилось с нами
в 2008 году.
Хелен, Перри и дочери*

А пониже, рукой Перри:

*Я под этим не подписываюсь! Но все равно с Новым годом, писатель!
Перри*

Эти знаки внимания перевернули мне душу, заставили осознать собственные чувства к семейству Гэхаловудов. Мне захотелось немедленно ответить взаимностью, и я принялся печь для них пирог. Соорудил единственный десерт, какой умел готовить, – банановый пирог, его всегда пекла в эти дни тетя Анита. Получался он только из очень спелых бананов. Через час, когда пирог был готов, я прыгнул в машину и за четыре часа добрался до Конкорда, штат Нью-Гэмпшир. Под вечер я позвонил в дверь дома Гэхаловудов. В руках у меня был пирог и какие-то безделушки, захваченные в придорожном торговом центре. Засиживаться я не собирался: весь этот путь в обнимку с жалким пирогом был всего лишь моим ответом на их слова: “И вы, вы тоже лучшее, что случилось со мной в 2008 году”. Друга нельзя встретить, он объявляется сам. Так случилось и с ними. Это были настоящие друзья, таких у меня не было – вернее, больше не было со времен моей “славы”. Кроме Гарри Квеберта.

Помню улыбку Хелен, когда она открыла дверь и увидела меня с моим смешным подарком. На миг она застыла в изумлении, потом бросилась мне на шею.

– Маркус! Маркус, ты откуда? – Обернувшись в дом: – Перри, иди сюда, это Маркус! – Снова поворачиваясь ко мне: – Холод собачий, заходи.

– Не хочу вам мешать, – сказал я. – Я тут проездом.

– Ну-ну, зайди хоть на минутку.

Я послушно переступил порог дома. Внутри царила веселая суматоха: Гэхаловуды играли в какую-то настольную игру. Подошел Перри и в виде приветствия чуть не раздавил мою руку в своей.

– Писатель, вот так сюрприз! Что вас привело в наши края?

– Ничего особенного, просто заехал отдать пирог, который для вас испек. Сейчас сваливаю. Спасибо за посылку. И особенно за открытку. Я страшно тронут. Держите, сержант, это вам.

Я протянул ему один из купленных мною четырех пакетиков. Перри открыл его и с отвращением взглянул на новый галстук:

– До чего же страшен.

– Все как вы любите, сержант.

Он поблагодарил меня и вдруг насупился: опытная гончая подняла зайца, которого я только что подкинул.

– Минуточку, писатель! Вы сказали “сваливаю”? Вы что же, хотите сказать, что едете назад в Нью-Йорк?

– Ну да, – ответил я, как будто это само собой разумелось.

– Дьявол вас раздери, Гольдман! То есть вы мне тут рассказываете, что ехали четыре часа, чтобы отдать нам подгорелый пирог, а теперь собираетесь катить обратно?

Я не нашелся что ответить, лишь кивнул и уточнил:

– Он только кажется подгорелым, он так и должен выглядеть. В середине он нежный, вот увидите.

Перри воздел очи горе:

– Писатель, по-моему, вы окончательно спятили. Ну-ка, давайте сюда свою куртку и не забудьте разуться, сейчас мне тут снегом везде натопчете! Гоголь-моголь любите? Только что приготовил, обалденный.

– От гоголь-моголя никогда не откажусь, – улыбнулся я.

Я просидел у Гэхаловудов до самого вечера. Играл с ними в “Тривиал Персьют”, “Монополию” и “Скрэббл”, потягивал из чашки гоголь-моголь, который Перри щедро доливал своим самогоном. Остался ужинать. Когда пришло время ехать домой, Хелен и Перри забеспокоились, как же я буду в такой час возвращаться в Нью-Йорк.

– Поеду в мотель, видел тут один на обочине, – успокаивал их я.

– Мотель у меня в подвале, – решительно заявил Перри.

Он отвел меня туда, разложил диван-кровать, занимавший чуть ли не всю тесную комнатушку, открыл шкаф и показал, где постельное белье.

– Если Хелен спросит, так я вам постелил. А то она опять разворчит, что я не умею принимать друзей. Спокойной ночи, писатель.

– Спокойной ночи, сержант. И спасибо. Спасибо за все.

В ответ он только фыркнул, как бизон, что на его сварливом языке должно было означать “не за что”. Так в мою жизнь вошли самые дорогие друзья.

* * *

В тот апрельский день 2010 года, стоя перед домом Гэхаловудов, я перебирал в памяти эти счастливые воспоминания. Перри встретил меня не слишком радушно. Открыв дверь, он чертыхнулся:

– Чтоб вам провалиться, писатель, вы зачем приперлись? Сказано вам было – к шести!

– Пришел помогать.

– Никто в вашей помощи не нуждается!

Из-за спины мужа появилась Хелен с ее всегдашней солнечной улыбкой:

– Маркус, как я рада тебя видеть!

Она отодвинула супруга и обняла меня.

– Я раньше времени, но я вам подсоблю, – объяснил я, протягивая ей цветы.

– Маркус, ты прелесть.

Она понюхала букет и препроводила меня на кухню. Перри замыкал шествие.

– А ваша жена говорит, что я прелесть, – ехидно заметил я, обернувшись к нему.

– Ох, писатель, заткнитесь!

– Нет, сержант, вы мне объясните, как так вышло, что эта невероятная женщина вышла замуж за такого, как вы?

– Сами подумайте.

– Из жалости, наверно.

– Ну-ну.

– Держите, сержант, вино – это вам. По-моему, вы такое любите.

– Спасибо, писатель.

Хелен и Перри собирались устроить вечеринку с фахитас, Лиза его обожала. Ждали человек двадцать, и я на кухне прилежно резал курицу, перцы, сыр и давил спелые авокадо для соуса гуакамоле. Вышло два полных подноса, и мы с Перри более или менее удачно их украсили.

Хелен, улучив минуту, спросила, как моя амурная жизнь:

– Что, Маркус, по-прежнему ходишь холостяком?

– Подружку себе завел, – сообщил Перри.

– Да ну? – удивилась Хелен, напустив на себя обиженный вид: почему это я ей не сказал. –

Давай рассказывай, Маркус.

– Совсем недавно, не заводись.

– Стало быть, кастинг принес плоды? – поддела меня Хелен. – А дух твоей матери выбор одобрил?

– Сержант! – возопил я. – С ума сойти, вы что, все ей рассказали?

– Она моя жена, я от нее ничего скрываю! И вообще, это же круто – вам является мать и высказывает свое мнение.

– Ее зовут Реган, – сказал я Хелен.

– Твою мать?

– Нет, девушку! Она пилот гражданской авиации. Живет под Монреалем.

– И давно вы вместе?

– Да уже три месяца! – опять наябедничал Перри.

– Три месяца? Дело серьезное, – заметила Хелен.

– Не знаю пока, – сказал я. – У нас не было случая подольше побыть вместе.

– Дело очень серьезное, – влез Перри. – Он ее везет в отпуск на Багамы!

– Ради всего святого, сержант, не делайте из мухи слона!

– Бедная девочка, – продолжал подтрунивать Перри, – если бы она знала, что ее ждет.

Мы расхохотались.

Малия и Лиза одна за другой вернулись домой. Обе, увидев меня на кухне, кинулись мне на шею в восторге и изумлении. С тех пор, как я видел их последний раз, они подросли. Лизе исполнилось одиннадцать, она заканчивала начальную школу. Малии было девятнадцать, в прошлом году она окончила лицей и поступила на подготовительное отделение университета. Отношения у нас сложились приятельские: они любовно называли меня «дядя Маркус», что меня очень трогало.

К шести часам на праздник подтянулись бабушки, дядья, тетки и кузены. Тот вечер оставил у меня яркие воспоминания – оживленные разговоры, взрывы смеха. Лиза, задувающая свечи. Наше с Перри состязание – кто состряпал пирог лучше? Хелен за роялем, красивая как никогда, поющая джазовые вариации на расхожие музыкальные темы.

Я ушел в двенадцатом часу ночи. Мог ли я вообразить, что в следующий раз, когда попаду в этот дом, все здесь будут убиты горем?

Сержант Гэхаловуд вышел на улицу меня проводить:

– Уверены, писатель, что не хотите остаться у нас ночевать?

– Нет, сержант, спасибо, надо ехать в Нью-Йорк.

– Приедете середь ночи, – заметил он.

– Я темноты не боюсь.

Мы по-братски обнялись.

– Хотел бы я быть как вы, сержант.

– Там хорошо, где нас нет, писатель.

– Знаю... но завидую вашей с Хелен семье. Вам, похоже, так хорошо вместе.

– Семья – это тяжкий труд, писатель. У вас все впереди. Порхайте лучше с цветка на цветок, так тоже неплохо.

Он смотрел на меня в упор, словно хотел подчеркнуть, что говорит серьезно.

– Что у вас за трагедия, сержант? – спросил я. – Сегодня днем, на пляже, вы упомянули какую-то драму, которая случилась ровно одиннадцать лет назад, в Лизин день рождения.

Он ответил вопросом на вопрос:

– А у вас что за трагедия, писатель?

– То, что случилось с моими кузенами, Вуди и Гиллелем.

– Вы мне ничего не говорили.

– Вот, сказал. Теперь, сержант, ваш черед отвечать: что случилось 6 апреля 1999 года?

– Знаете, писатель, настоящие раны любят тайну. Про них надо молчать: они рубцуются, только когда держишь их при себе.

– Не уверен.

Повисла долгая пауза. Потом Гэхаловуд произнес нечто загадочное:

– Лес Уайт-Маунтин – вам это о чем-то говорит, писатель?

– Нет, а что?

– Это и есть моя драма. Ладно, не будем портить старыми воспоминаниями такой прекрасный вечер. Будьте осторожны на дороге и пришлите мне из Нью-Йорка эсэмэску, что добрались.

– Хорошо, мамочка.

Он улыбнулся и ушел в дом. Сев в машину, я тут же полез с телефона в интернет. Набрал в поисковике “Лес Уайт-Маунтин” и дату – 6 апреля 1999 года. Но ничего не нашел. На что намекал сержант Гэхаловуд?

Мои разыскания прервало сообщение от Реган. Днем я послал ей по имейлу билет на самолет и ссылку на сайт “Харбор Айленд”. Она писала, что я сумасшедший. Я немедленно ей позвонил.

– Мы едем на Багамы? – закричала она восторженно и недоверчиво.

Я все устроил так, чтобы мы могли отправиться вместе из Монреаля: заеду на несколько дней на съемки, а потом мы улетим в наш маленький рай.

– Числа тебя устраивают? – спросил я. – Я пока могу поменять бронь и сдвинуть даты, если что.

– Числа идеальные. Все идеально. Ты идеальный чувак, Маркус Гольдман. Мне страшно повезло, что я тебя встретила.

Я улыбнулся. Я был счастлив.

– Отъезд через десять дней, – сказал я. – Для меня еще не скоро.

– Для меня тоже, Маркус. Мне тебя не хватает.

– И мне тебя не хватает. Ложишься спать?

– Да, уже в постели. Ты доехал до Нью-Йорка?

– Нет, остановился в Нью-Гэмпшире. Поужинал у близких друзей. Я тебе, по-моему, про них говорил.

– У Гэхаловудов?

– У них самых. Очень хочется тебя с ними познакомиться.

– Я с удовольствием.

– Спи давай, – сказал я. – Завтра поговорим.

Мы нажали на отбой.

Реган была не в постели. Реган лгала. Ее не было дома, она бродила по соседней пустынной улице, якобы выгуливая собаку. Закончив разговор, она выключила телефон, вернее, телефон с предоплаченной симкой, с которого мне звонила и которым пользовалась только для общения со мной, спрятала его в карман и вернулась к себе. Муж в гостиной смотрел телевизор, она села рядом. Он заметил, что у нее странный вид:

– Все хорошо, дорогая?

– Все хорошо.

Она посидела немного, уставившись невидящим взглядом в телевизор, потом поднялась на второй этаж, поправить одеяло двум своим детям.

Выдержка из полицейского протокола Допрос Роберта и Донны Сандерсов

[Роберт, он же Робби, и Донна – родители Аляски Сандерс. Она их единственная дочь. Беседа записана в помещении уголовного отдела полиции штата Нью-Гэмпшир в воскресенье, 4 апреля 1999 года.]

Не могли бы вы коротко рассказать о себе?

робби сандерс: Мне пятьдесят три года. Владелец электромонтажной фирмы.

донна сандерс: Мне сорок восемь лет. Я секретарь в клинике.

робби сандерс: Мы живем в Салеме, штат Массачусетс. Здесь Аляска родилась и выросла. Мы – семья среднего достатка. Аляска училась в государственной школе. Ничего особенного.

Как бы вы описали свою дочь?

робби сандерс: Аляска была прелестная девушка. Все делала с воодушевлением. Счастливая.

донна сандерс: Ее все любили. Люди восхищались ею. Она мечтала стать знаменитой актрисой. Ей предрекали большое будущее.

Она снималась в фильмах?

донна сандерс: Нет, но проходила множество кастингов. Она была на верном пути. У нее даже была агент. Все серьезно.

Каких успехов достигла Аляска?

робби сандерс: Школу она окончила в Салеме. В лицее стала участвовать в разных конкурсах юных мисс. Вскоре добилась большого успеха. Она была очень красивая, с яркой индивидуальностью. Она пошла по этому пути, и дело двигалось в общем неплохо. Ее приглашали сниматься в рекламе для местных компаний.

То есть она была моделью?

робби сандерс: Если угодно.

донна сандерс: Она не любила, когда так говорили. Для нее конкурсы красоты и реклама были стартовой площадкой для карьеры актрисы. Она была права: именно так она нашла агента в Нью-Йорке.

Вы часто упоминаете Нью-Йорк. Почему она поселилась в Маунт-Плезант, а не там?

донна сандерс: С Маунт-Плезант это было временно. Летом она завела шашни с одним тамошним парнем, Уолтером Кэрри. Они встретились в Салеме, в каком-то баре. Уолтер – бывший военный, парень неотесанный, немножко задиристый. Думаю, это и прельстило Аляску, и она с бухты-баряхты решила с ним сойтись. По-моему, она перенапряглась из-за своей карьеры.

Дело шло не так хорошо?

донна сандерс: Наоборот, все шло как по маслу! Она только что победила на своем первом профессиональном конкурсе красоты, ее выбрали мисс Новая Англия. По-моему, из-за этого она все время была в стрессе. Мы с мужем обнаружили, что она начала курить марихуану. Чтобы расслабиться, наверное. По-моему, она уехала в Маунт-Плезант, чтобы немножко отдалиться от Салема, вырваться из этого круговорота. Сосредоточиться. Но только на короткое время. Между прочим, мы с ней созванивались на прошлой неделе. Она говорила, что хочет в ближайшее время переехать в Нью-Йорк.

Разговор был обычный?

донна сандерс: Ну да... если хотите.

Она не упоминала о каких-то неприятностях, об угрозах?

донна сандерс: Нет, ничего такого.

робби сандерс: Сержант, надо уточнить одну вещь: наши отношения с Аляской после ее отъезда были совсем не безоблачными. Я обнаружил в ее вещах марихуану, мы поссорились. Она увидела в этом повод вырваться на простор, оборвать поводок. Ей это было нужно.

донна сандерс: Но мы все-таки были близки, несмотря ни на что. Я бы даже сказала, что расстояние пошло на пользу нам всем.

Когда вы видели ее последний раз?

донна сандерс: В феврале, мы заезжали к ней в Маунт-Плезант.

А какие у вас были отношения с Уолтером Кэрри?

робби сандерс: Сердечные.

донна сандерс: Поначалу мы на него злились. Когда Аляска переехала в Маунт-Плезант и стала работать на автозаправке, мы подумали, что он ее подавляет. Он старше, более зрелый, более опытный. Но потом мы поняли, что ей там хорошо.

Судя по всему, идиллия между Аляской и Уолтером кончилась. Накануне своей смерти она от него ушла. Она говорила вам об этом?

донна сандерс И робби сандерс: Нет.

У вас не найдется свежей фотографии Аляски?

донна сандерс: Найдется, конечно. Я захватила, как вы и просили.

робби сандерс: Зачем?

Мы хотим поместить ее в прессе. Надеемся найти свидетелей, которые помогли бы нам что-то прояснить.

робби сандерс: Вы напали на след?

Пока нет.

Наутро после убийства

Воскресенье, 4 апреля 1999 года

Заслушав родителей Аляски, Гэхаловуд и Вэнс проводили их до выхода из главного управления полиции штата.

– Мы поселились в гостинице тут неподалеку, – сказал Робби Сандерс. – Дома сейчас не очень-то уютно.

– Если вам что-то понадобится, звоните в любое время, – сказал Вэнс.

– У вас есть наши телефоны, – подхватил Гэхаловуд, – мы к вашим услугам.

– Нам нужны ответы, – прошептала Донна Сандерс, сдерживая рыдания. – Нам нужно знать, что случилось... Кто мог сотворить такое с нашей дочерью?

– На выходных службы полиции работают небыстро, но судмедэксперт заверил, что представит отчет до завтрашнего полудня. Как только узнаем что-то новое, будем держать вас в курсе, обещаю.

– Лучше быть убитым в будний день, – с горькой иронией отозвалась Донна Сандерс.

Родители ушли. Гэхаловуд и Вэнс смотрели им вслед – походка выдавала их горе. Гэхаловуд держал в руке принесенную Донной Сандерс фотографию Аляски и статью из сентябрьской газеты, которую она ему оставила. В газете был снимок Аляски в муслиновом платье, рядом стояли родители. Подпись гласила: “Мисс Новая Англия избрана Аляска Сандерс”.

– Какая жалость, – произнес он, глядя на улыбку Аляски. – Сейчас же отправлю снимок в газеты.

Они снова поднялись на второй этаж, где располагался уголовный отдел, и вошли в кабинет. Там с утра поселился третий член их команды, Николас Казински: Лэнсдейн выделил его им в помощь. Третий следователь никогда не помешает, особенно такой спец, как Казински, знаток информационных технологий.

– Вам звонил некий Льюис Джейкоб, – сообщил Казински, увидев в дверях коллег. – Хочет, чтобы вы к нему заехали.

– По какому поводу? – спросил Вэнс.

– Собирается вам что-то показать, что именно, не уточнил. Сказал только, что весь день будет на заправке.

– Сейчас съездим. Кстати о заправке, получилось добыть записи с видеокамер?

– Как нечего делать, – торжествующе улыбнулся Казински. – Идите смотрите.

Казински расположил рядом на экране компьютера два окна, соответствующих двум камерам, которыми была оборудована заправка: одна, снаружи, снимала колонки, другая, в магазине, – клиентов у кассы. Казински прокрутил на ускоренной перемотке всю пятницу, 2 апреля.

Полицейские смотрели, как в шесть утра по парковке шествует семейство енотов-полоскунов. Потом, в семь, на заправке появляется Льюис Джейкоб и открывает магазин. Возится внутри, варит кофе. В следующий час обслуживает нескольких посетителей. В восемь на парковку заезжает машина Аляски Сандерс, синяя, с откидным верхом. Из нее выходит сама девушка и тоже скрывается в магазине. Здоровается с Льюисом Джейкобом, они пару минут болтают. Она исчезает в подсобке, видимо, переодеться, и выходит в поло в цветах заправки. Встает за прилавок. Начинается однообразный, ничем не примечательный рабочий день. Аляска снует между кассой, где оплачивают бензин, и кофейным автоматом в маленьком баре, устроенном в глубине магазина. Клиенты идут один за другим, Аляска перекидывается с каждым парой слов. Она дважды делает перерыв на десять минут, пьет кофе на парковке. Одновременно набирает что-то на мобильнике. Около полудня исчезает на полчаса в подсобке,

очевидно, обедает. Потом снова занимает свой пост. Дальше опять рутина. В 16.45, коротко переговорив с Люисом Джейкобом, она вдруг уходит с заправки и уезжает на своей машине. Возвращается ближе к 17.30. Выходит из автомобиля с кожаной коричневой дорожной сумкой, несет ее в магазин. Оставляет сумку в подсобке и занимает рабочее место.

– Все в точности как говорил Уолтер Кэрри, – подтвердил Гэхаловуд, заглянув в свои заметки. – Он столкнулся с ней в квартире около 17.15, еще через пару минут она ушла с коричневой кожаной сумкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.